

УДК 930"1990/2010":323.326:33(091)(470+430)

НЕМЕЦКОЕ УЧАСТИЕ В ЭКОНОМИКЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ В ОСВЕЩЕНИИ ГЕРМАНСКОГО РОССИЕВЕДЕНИЯ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI В.

А. Г. Дорожкин

Анализируется историографическая ситуация в германской «россике» рубежа XX – начала XXI в. В центре внимания автора – труды немецких историков о роли немецкого бизнеса в экономической истории дореволюционной России. Рассматриваются проблемы интеграции российских и немецких предпринимательских кругов, позиции зарубежных бизнесменов в рабочем вопросе, их участие в благотворительных акциях. Отмечается сближение позиций российских и немецких исследователей, обусловленное активными научными контактами последних лет.

Ключевые слова: немецкая историография, экономическая история России, немецкий бизнес, российская предпринимательская культура.

Конец прошлого и начало нынешнего столетий отмечены были в германской «россике» появлением серии работ, посвященных деятельности зарубежного (главным образом немецкого) капитала в дореволюционной России. При этом в отличие от историографии предшествовавших десятилетий основное внимание исследователей концентрировалось уже не на общих вопросах и результативности иностранного участия в российской народнохозяйственной жизни, а на деятельности конкретных фирм и отдельных предпринимателей; здесь можно говорить о продолжении традиции, заложенной в 1950–1970-е гг. Э. Амбургером, З. фон Вайхером и Х. Гецелером [Amburger, 1974, s. 171–192; Amburger, 1976; Weicher, 1956, s. 13–25; Weicher, Goetzeler, 1981] (при несколько меньшем внимании к генеалогическим аспектам проблемы, но при значительно большем интересе к собственно предпринимательской деятельности иностранцев). Данному обстоятельству чрезвычайно благоприятствовали как расширение источниковой базы исследователей, так и активизация сотрудничества с российскими историками.

Итогом этого сотрудничества явилось, в частности, появление в последнем десятилетии XX в. и в начале нынешнего столетия ряда сборников научных публикаций. Их материалы внесли существенный вклад в изучение проблемы немецкого участия в хозяйственной жизни нашей страны в XIX – начале XX в. С учетом чрезвычайной сложности и многообразия проблемы в рамках предлагаемой статьи представляется возможным остановиться на трактовке современным «остфоршунгом»¹ таких ее аспектов, как масштабы деятельности отдельных фирм и капиталистов немецкого происхождения в России, их интегрированность в местную предпринимательскую среду и связи с Германией, позиция бизнесменов в рабочем вопросе и их благотворительная деятельность.

Источниковую базу трудов германских историков, обратившихся к указанной проблеме, составили делопроизводственные документы и статистические материалы, в т.ч. извлеченные из архивов немецких фирм, а также из российских архивных учреждений, источники личного происхождения; как и раньше широко привлекались справочные издания, материалы российской и зарубежной периодики, публицистической литературы и труды русских экономистов дореволюционной эпохи. Значительное расширение источниковой базы за счет документации зарубежных и российских архивов позволило германским россиеведам обратиться к сюжетам, ранее слабо отраженным или вовсе не отраженным в литературе. К ним относятся немецкое участие в промышленности и торговле Новороссии (Д. Нойтатц, Д. Брандес, Г. Хаусман), роль немецких колонистов в развитии закавказского виноделия (Е.-М. Аух), деятельность в России известного лейпцигского издательства «Брокгауз и Ефрон» (М. Буш), торговая активность в России фирм Маннесмана, Даймлера-Бенца, Дизеля (Х.-А. Вессель, В. Рабус, Й. Хойслер, К. Хеллер) и аутсайдеров (Й. Май, Д. Дальман). Наряду с достаточно хорошо исследованной деятельностью в России гамбургского торгового дома «Кунст&Альберс» (в 1990-х гг. к его истории обратились Л. Деег и Л. Томас) и фирмы «Сименс», а также инвестированием германских промышленников в горную индустрию Кавказа (в конце XX в. эту тему вновь подняли Х. Лемке, В. Фельденкирхен, М. Раш), предметом специального рассмот-

рения стало участие немцев в сахарной промышленности России (Д. Дальман) и связи с Россией крупного предприятия (Р. Кене-Линденлауб) [*Auch*, 1998, s. 589–610; *Brandes*, 1998, s. 575–588; *Busch*, 1998; *Dahlmann*, 1998, s. 361–378; *Dahlmann*, 2005, s. 45–57; *Feldenkirchen*, 1998, s. 167–188; *Feldenkirchen*, 2005, s. 187–199; *Hausmann*, 1998, s. 523–540; *Heller*, 2005, s. 221–229; *Koehne-Lindenlaub*, 2000, s. 278–291; *Koehne-Lindenlaub*, 2005, s. 179–186; *Lemke*, 1998, s. 147–166; *Mai*, 1998, s. 349–360; *Neutatz*, 1998, s. 541–574; *Rabus, Haeusler*, 2005, s. 211–220; *Rasch*, 1998, s. 225–271; *Wessel*, 1998, s. 189–223; *Wessel*, 2005, s. 201–209].

Указанными авторами проанализированы различные аспекты деятельности фирм и аутсайдеров немецкого происхождения в России конца XIX – начала XX в. Так, новороссийское сельхозмашиностроение, участие в котором немцев-меннонитов было детально рассмотрено Д. Нойтатцем, во многом было обязано своими успехами именно приверженцам этой секты, проживавшим в крае. До 80-х гг. XIX в. на Юге России практически отсутствовало учреждение соответствующих предприятий русскими и украинцами; отрасль первоначально была организована российскими подданными немецкого происхождения, преимущественно меннонитами по конфессии [*Neutatz*, 1998, s. 556–557]. Но и в дальнейшем немецкое (по этническому происхождению предпринимателей) участие в южнорусском сельскохозяйственном машиностроении было значительным – в 1911 г. из 164 фабрик данной отрасли, имевшихся в Северном Причерноморье, 66 принадлежали лицам немецкого происхождения, в том числе 31 – меннонитам. Доля последних в производстве сельхозмашин в крае составляла 26%, а в целом фабриканты – выходцы из Германии и их потомки производили в тот период около половины всей продукции данной категории. При этом доля немцев в населении региона не превышала 3,5% [*Ibid.*, s. 558].

Капиталисты немецкого происхождения задавали тон и в деловой жизни Лодзинского района – на рубеже XX в. в этом районе немцы, по данным Й. Рогалля, составляли 49% всех предпринимателей; 45,7% приходилось на долю евреев. К началу Первой мировой войны баланс сместился в сторону последних – они составляли 47,1%, а немцы – 44% всех лодзинских фабрикантов. Немцы, однако, доминировали в крупнейших предприятиях текстильной индустрии Лодзи. Доля же поляков среди местных фабрикантов оставалась ничтожной [*Rogall*, 1998, s. 442].

Следует отметить, что вопрос об участии германского капитала в хозяйственной жизни Польского района еще в конце XIX – начале XX в. затрагивался как отечественной, так и зарубежной литературой [*Schultze-Gavernitz*, 1899, s. 274–275; *Ischchanian*, 1913, s. 172–173, 266; *Брандт*, 1898; 1899; 1901; *Левин*, 1914]. В то же время немецкое участие в экономике Закавказья рассматривалось в основном на примере горной индустрии края [*Нанитаивили*, 1982; *Пипия*, 1978, с. 28–33]. Между тем довольно видное положение в предпринимательской жизни закавказского региона занимали виноторговцы немецкого происхождения, деятельность которых рассмотрена Е.-М. Аух. Основное внимание она уделяет деятельности крупнейших из них – торговых домов «Бр. Форер» и «Хуммель». Учредители этих фирм принадлежали к числу немецких колонистов в Закавказье. Приводимый Е.-М. Аух материал свидетельствует о значительной роли этих компаний в деловой и хозяйственной жизни региона. Годовой товарооборот фирмы Форера, в 1892 г. преобразованной в акционерное общество, составлял в 1870-х гг. всего около 1 тыс. руб., в 1895 г. – около 300 тыс., а в 1911 г. – уже 1.661.792 руб., что равнялось 13,4% оборота всех промышленных и торговых предприятий Елизаветпольской губернии². Значительными были и масштабы предпринимательской деятельности семейного предприятия Хуммеля. Им осуществлялся вывоз вина в 39 губерний Европейской России. В 1913 г. «Хуммель» направил туда 76 тыс. ведер алкогольных напитков, что составило 34% всего вывоза товаров из Елизаветпольской губернии [*Auch*, 1998, s. 609].

Ряд историков остановились на месте России начала XX в. как рынка сбыта продукции германских промышленных фирм. В отдельных случаях она была значительной, например для известных компаний «Дизель» и «Даймлер-Бенц». К. Хеллер, рассматривая первую из них, отметил, что в отдельные годы она поставляла в Россию больше моторов, нежели сбывала в Германии [*Heller*, 2005, s. 229]. В. Рабус и Й. Хойслер, проанализировав деятельность в Российской империи фирмы «Даймлер-Бенц», пришли к выводу, что в канун Первой мировой войны Россия входила в тройку наиболее значительных покупателей машин этого предприятия [*Rabus, Haeusler*, 2005, s. 220]. Вместе с тем признается, что далеко не всегда деятельность немцев была успешной. Так, Х.-А. Весселем было обращено внимание на причины неудач в России ряда германских инвесторов в начале XX в. – в этой связи им рассмотрена деятельность фирм «Фельтен и Гийом», «Дуйсбургское

машиностроительное общество» и «Гелиос». Среди общих для всех трех компаний причин фиаско Х.-А. Вессель называет неверную оценку рыночной конъюнктуры, проблемы сбыта, кадровые затруднения, выразившиеся в нехватке квалифицированного управленческого персонала [Wessel, 1998, s. 189–223]. Указывается, что и информированность потенциальных инвесторов о России к началу XX в. далеко не всегда была удовлетворительной – еще перед Первой мировой войной на это обстоятельство обращал внимание германский экономист Э. Агад [Agahd, 1914, s. 94–97].

По иным причинам отказалось от инвестиционной деятельности в России в XIX в. крупновское предприятие. Его связи с Россией подробно рассмотрела Р. Кене-Линденлауб. Она, в частности, показала попытки основателя знаменитой фирмы – Ф. Круппа и его сына Альфреда создать филиал в России, а также проанализировала причины неудачи запланированной акции. Первую попытку учреждения дочернего предприятия в Российской империи Ф. Крупп предпринял еще в начале 1820-х гг. Она не увенчалась успехом вследствие трудного положения эссенской фирмы (впрочем, с другой стороны и побудившего, как указывает Р. Кене-Линденлауб, основателя компании выдвинуть план строительства в России сталелитейного завода), значительного риска учредительства такого рода в Российской империи, особенно на начальной фазе деятельности, и неготовности Ф. Круппа идти на такой риск [Koehne-Lindenlaub, 2005, s. 179–180].

Сходные причины предопределили и отказ от такого же проекта Альфреда Круппа уже в начале 1840-х гг. Под влиянием трудностей сбыта своей продукции сын основателя фирмы подумывал даже о переселении в Россию, но действовать в ней, с учетом трудностей, переживаемых предприятием, и большого риска, фирма могла лишь при поддержке русского правительства. В тот период, однако, последнее не проявило особого интереса к предложению А. Крупа [Ibid., s. 181]. Ситуация изменилась, как отмечает Р. Кене-Линденлауб, после поражения России в Крымской войне. Возросший спрос на металлопродукцию привел к значительному количеству российских заказов фирме Круппа; кроме того, теперь уже само правительство страны выступило инициатором приглашения компании к инвестиционной деятельности в русской экономике. В 1863 г. Круппу было предложено основать в России сталелитейную фабрику при правительственной поддержке, а в конце 1860-х гг. ему предлагали приобрести Обуховский завод в Петербурге. Этот вопрос русское правительство ставило перед немецким промышленником и позднее, уже в 70-х – начале 80-х гг. XIX в. [Ibid., s. 182–184].

Все эти предложения были отвергнуты. Говоря о причинах этого, Р. Кене-Линденлауб указывает на изменение конъюнктуры для крупновской фирмы во второй половине XIX столетия. Если ранее само российское правительство не видело необходимости в привлечении этой фирмы в страну и в развертывании при содействии Круппа современного металлургического производства, то теперь оно уже было заинтересовано в этом и готово было оказать немецкому промышленнику материальное содействие. К тому времени, однако, у крупновского предприятия уже не было проблем со сбытом своей продукции (в т.ч. и в Россию). Получая немалые доходы от экспорта в Российскую империю, А. Крупп был гораздо менее заинтересован в ведении там производственной деятельности. Последняя, кроме того, предполагала создание в России (практически с нулевого уровня) собственной материальной основы и квалифицированных кадров либо импорт того и другого. Значительность затрат, по мнению А. Круппа, не окупала возможных прибылей российского филиала. Финансовый риск, связанный с деятельностью последнего, представлялся главе фирмы слишком значительным. Правда, как отмечает Р. Кене-Линденлауб, А. Крупп в начале 1880-х гг. допускал создание в России дочернего предприятия, но лишь при значительной поддержке государства в виде защиты от конкуренции и гарантии прибыли. В конечном счете, однако, перевесили опасения финансового риска и политические соображения (Р. Кене-Линденлауб указывает в связи с этим, что А. Крупп учитывал в начале 1880-х гг. ухудшение русско-германских отношений и возможность войны между двумя странами)³.

Германские исследователи, обращающиеся к истории немецкого бизнеса в России, отмечают многообразие форм его участия в экономике страны. Они четко разграничивают экспорт капитала, его эмиграцию, сопровождавшуюся переселением капиталиста в Россию, и деятельность в ней этнических немцев, имевших русское подданство. Многообразие форм деятельности во многом определяло возможности и пределы русификации предпринимателей; здесь существенную роль играли и региональные факторы, и менталитет предпринимателей, и условия, в которых они действовали. В случае с филиалами немецких фирм, постоянно и в течение длительного времени действо-

вавших в России, о русификации как таковой говорить не приходилось; вместе с тем они не были и инородным элементом в стране. Напротив, предприятия такого рода признаются составной частью российской экономики всеми современными германскими историками-россиеведами. В случае с аутсайдерами указывается на взаимное влияние германского и русского бизнеса. Так, Д. Дальман отметил, что в Московском промышленном районе и русских, и немецких (по национальной принадлежности) капиталистов объединяли как деловое сотрудничество, так и общность взглядов на форму владения предприятием. Он признал и значительную степень интеграции московских предпринимателей – немцев по происхождению в деловую жизнь Москвы, и определенную их замкнутость: брачные связи вне своей этнической среды были у них крайне редки. Еще большая замкнутость присуща была немецким промышленникам в Лодзинском районе. Упомянутый уже Й. Рогалль отметил обособленность тамошних текстильных фабрикантов – выходцев из Германии от местного населения. Это объяснялось строгой изоляцией немецкой общины в Лодзи – в Варшаве, однако, ситуация была иной [Dahlmann, 1998, s. 361, 364–365, 372–374, 376–378; Rogall, 1998, s. 442–443, 446].

На вопросе о соотношении национального и интернационального в образе жизни и стиле немецких предпринимателей в дореволюционной России особо остановились Д. Дальман и В. Сартор. Оба исследователя отметили восприятие дельцами германского происхождения в России ряда атрибутов русской культуры, что, однако, не вело к полной ассимиляции. Напротив, как подчеркивает Д. Дальман, немецкая община и в Петербурге, усваивая многие русские обычаи, старалась все же сохранить свою этноконфессиональную принадлежность [Dahlmann, 2005, s. 48–49; Sartor, 2005, s. 103–114]. Со своей стороны иностранцы, включая сюда и немцев, также воздействовали на социальный облик российского делового мира. Еще в 1980-х гг. немецко-американский историк В. Кирхнер, а впоследствии, уже в 1990-е гг., германский исследователь К. Хеллер отметили в этой связи, что с 80-х гг. XIX в. русские промышленники все более успешно могли конкурировать с иностранцами. Они были готовы принимать на себя неизбежный в случае конкуренции риск, осваивали новейше-капиталистические методы хозяйствования и организации. К. Хеллер особо отметил и нередко осуществлявшуюся в российских условиях возможность сращивания зарубежного капитала с отечественным бизнесом. При этом современными германскими исследователями признается в качестве одной из важнейших особенностей образования класса буржуазии в России значительное участие в этом процессе иностранцев, особенно немцев, а также этнических немцев, имевших русское подданство. В настоящее время на этом акцентируют внимание Д. Дальман, В. Сартор и М. Хильдермайер; на участии немцев в этом процессе остановились В. Сартор, Д. Нойтатц, С. Петер, Г. Хаусман [Brandes, 1998, s. 575–577; Dahlmann, 1998, s. 15; Hausmann, 1998, s. 523–540; Heller, 2005, s. 24; Hildermeier, 1998, s. 98; Kirchner, 1986, s. 363; Peter, 1998, s. 499–522; Sartor, 1997, s. 174–175].

Признавая определенную космополитичность германских бизнесменов, действовавших в России, В. Сартор отметил их связи и контакты с представителями других национальных групп торговцев и промышленников, участвовавших в экономической жизни Российской империи. В Петербурге это было особенно заметно [Sartor, 2005, s. 103–107, 114]. В. Сартор специально подчеркнул в связи с этим значительность воздействия на немецкий крупный бизнес в России XIX в. «культуры английского торгового мира» [Ibid., s. 101–102]. В Лодзинском же районе предприниматели немецкого происхождения поддерживали связи исключительно с Германией и большинство из них сохраняло германское подданство. Й. Рогалль отметил в этой связи, что к перемене гражданства немцев толкали здесь ограничительные узаконения русского правительства. Но, несмотря на это, большая часть бизнесменов, в т.ч. владелец крупнейшего в регионе текстильного предприятия Шайблер, сохраняла подданство Германской империи. При этом связи лодзинских промышленников немецкого происхождения с Германией носили разнообразный характер. Так, Й. Рогалль говорит о приобретении там недвижимости отдельными предпринимателями: то же семейство Шайблеров, к примеру, владело в начале XX в. двумя поместьями в Силезии [Rogall, 1998, s. 442, 446].

Существенно отметить значительный интерес германских россиеведов конца XX – начала XXI в. к проблеме интеграции промышленников и торговцев немецкого происхождения в предпринимательскую среду Российской империи. Собственно, сам этот вопрос стал предметом детального анализа в германской «россике» именно с конца XX в. В литературе начала XX в. этот

вопрос особо не анализировался; тем не менее по существу признавалось, что иностранный капитал в России являлся частью ее экономики. При этом отмечалась высокая степень интеграции в российскую предпринимательскую среду немецких промышленников и торговцев (А. Фогель)⁴. Это нередко приводило к русификации и капитала, и капиталиста. Вместе с тем и на рубеже XIX–XX вв., и в настоящее время при рассмотрении данного вопроса учитывается региональная специфика, о чем уже упоминалось. Так, современный исследователь Й. Рогалль, в отличие от Г. Шульце-Гевеверница, З. Кумпф-Корфеса, Г. Коммихау, Й. Мая, Э. Амбургера, Б. Лер, акцентировал внимание на отсутствии у большинства лодзинских промышленников достаточного капитала на начальном этапе их деятельности в Королевстве Польском. Это обусловило значительную зависимость предпринимателей немецкого происхождения от государственных кредитов [*Kumpf-Korfes*, 1968, s. 151; *Mai*, 1970; *Loehr*, 1985, s. 72; *Rogall*, 1998, s. 446; *Schultze-Gaevernitz*, 1899, s. 573; *Comichau*, 1965, Н. 5]. В Московском районе, текстильные магнаты которого, как известно, активно конкурировали с лодзинцами, по мнению германских историков-россиеведов, существовала значительная интеграция предпринимателей немецкого происхождения в местный деловой мир. Это относилось как к дельцам-аутсайдерам, так и к владельцам семейных фирм в этом районе. Д. Дальман подробно остановился на этом вопросе при рассмотрении истории деятельности в России семейства Кнопов – впрочем, на тесную связь этого предпринимателя с российским деловым миром еще в конце XIX в. указал Г. Шульце-Гевеверниц.

Столетием позже на примере деятельности торгового дома Шписов интегрированность немцев в деловую жизнь Москвы показал В. Сартор. Анализируя по материалам семейного архива этой фирмы ее деятельность в России, исследователь отметил изначально российское происхождение капиталов Шписов. Представителей семейства затронул процесс ассимиляции; они, подобно Л. Кнопу, поддерживали тесные связи с предпринимателями и немецкого, и русского происхождения. Основатель торгового дома Р. Шпис еще в 1866 г. стал купцом первой гильдии, а затем приобрел потомственное почетное гражданство. Он играл видную роль в московском биржевом комитете, занимал пост директора московской конторы Государственного банка. Одновременно с 1871 г. Р. Шпис являлся германским консулом в Москве. Как и в случае с фирмой Вогау, деятельность которой в 1970-х гг. была изучена Э. Амбургером, торговый дом Шписа сохранял статус семейного предприятия (при формальной юридической самостоятельности ряда предприятий фирмы) [*Dahlmann*, 1998, s. 372–374; *Schultze-Gaevernitz*, 1899, s. 91; *Сартор*, 1997, с. 174–183].

Подобно Л. Кнопу и Р. Шпису, целиком в России создал капитал другой крупный промышленник немецкого происхождения – петербургский, а затем также и украинский (по районам деятельности) сахарозаводчик Г. Л. Кениг. Его деловую активность подробно рассмотрел Д. Дальман. Сын уроженца Тюрингии, прибывшего в 1812 г. в Петербург, первоначально работавшего там учеником пекаря и женившегося впоследствии на дочери своего хозяина, Георг Леопольд Кениг с 15 лет трудился на сахарном заводе предпринимателя К. Папмеля. По примеру отца он женился на дочери своего хозяина и в 1848 г. приобрел собственную фабрику на Выборгской стороне в Петербурге. Через два года она была продана им с прибылью, после чего он арендовал фабрику умершего еще в 1842 г. К. Папмеля. Еще раньше, в 1847 г., собственным заводом по производству сахара обзавелся его отец [*Dahlmann*, 2005, s. 47–48]. Так было положено начало семейному предприятию Кенигов. Росту этого предприятия способствовали основательное знание дела предпринимателем, интенсивное внедрение им технических новшеств на своем производстве (Д. Дальман отметил и в целом высокий технический уровень сахарной промышленности в России, а также хорошее качество продукции), тщательный учет рыночной конъюнктуры [*Ibid.*, s. 49, 54]. Постоянно расширяя и модернизируя свои петербургские фабрики, Кениг в дальнейшем, в 1870–1880-х гг., приобрел крупные сахарные заводы на Украине. Наиболее значительным из них был тростянецкий завод в Харьковской губернии. Поблизости, в имении Гутянская, Кениг, помимо сахарной фабрики, владел двумя заводами по производству водки и лесопильней. Общий оборот украинских предприятий фирмы составлял в 1912 г., уже при наследниках Г. Л. Кенига, 40 млн. руб. С приобретением фабрик в Харьковской губернии Г. Л. Кениг стал одновременно и крупным землевладельцем и небезуспешно занялся также сельским и лесным хозяйством [*Ibid.*, s. 52–53].

Д. Дальман отметил поддержание Г. Л. Кенигом разнообразных связей с Германией. Там он закупал, по меньшей мере, часть машин и оборудования, необходимых для сахарных заводов. С 1867 г. Кениг даже проживал в Бонне, где им была приобретена вилла. Петербургскими предпри-

ятиями непосредственно руководил его брат, но и сам Г. Л. Кениг регулярно выезжал в Россию и инспектировал свои заводы и поместья. В середине 1880-х гг. он возвратился в Петербург, где и умер в конце 1903 г. На его отношениях с петербургским деловым миром Д. Дальман не остановился, но упомянул, что Кениг входил в число руководителей столичной биржи, а в 1880 г. стал советником коммерции [Ibid., s. 50–51, 53]. Как и предприниматели немецкого происхождения в Москве, Г. Л. Кениг предпочитал семейную форму владения предприятием. Его наследники, по словам Д. Дальмана, пытались преобразовать фирму в акционерное общество, но безуспешно [Ibid., s. 56].

Как уже говорилось, при рассмотрении вопроса об интеграции дельцов немецкого происхождения в российскую предпринимательскую среду современные германские историки обычно воздерживаются от усредненных оценок, а учитывают региональную (и не только региональную⁵) специфику. Если в Москве эти дельцы, несмотря на сохранение национальной самоидентификации, были вполне интегрированы в местную предпринимательскую среду, то в Одессе ситуация была иной. Предприниматели немецкого происхождения, действовавшие в этом городе, происходили, по словам детально исследовавшего этот вопрос Г. Хаусмана, в основном из семей купцов и ремесленников. Из купеческого семейства происходил глава крупной экспортной фирмы в Одессе Э. Махс, основатель торгового дома «Эрнст Махс и Ко». Первоначально немцы занимали значительное положение как в торговой жизни (особенно в организации хлебного экспорта), так и в одесском биржевом мире: ведущая роль в Одесском биржевом обществе в 1882 г. принадлежала 8 немцам, 8 евреям и 5 грекам. К концу XIX в. Одесский биржевой комитет 20 лет возглавлялся купцом немецкого происхождения Е. Шульцем, лично знавшим И. А. Вышнеградского и С. Ю. Витте и принадлежавшим к избранному кругу предпринимательской элиты города. После 1900 г., однако, немецкое представительство в предпринимательских организациях города упало. Из торговцев немецкого происхождения лишь Н. А. Шредер до 1914 г. был членом, а одно время заместителем председателя Одесского комитета торговли и мануфактуры. В целом же немецкие (по этнической принадлежности) торговцы лишь в незначительной степени участвовали в объединениях предпринимателей Одессы, таких как созданное в 1905 г. «Общество одесских фабрикантов». Не были они представлены в начале XX в. в городской думе и в корпоративных организациях, подобных Одесскому коммерческому собранию. Причину такого положения Г. Хаусман усматривает в обособленности одесских торговцев и промышленников немецкого происхождения, в значительных их социокультурных отличиях от представителей других этноконфессиональных групп предпринимателей, действовавших в городе. Наряду с этим следует, однако, учитывать и масштабы предпринимательской деятельности в Одессе лиц немецкого происхождения. Сам же Г. Хаусман говорит, что среди них преобладали купцы средней руки, торговавшие предметами роскоши и украшениями из драгоценных металлов [Hausmann, 1998, s. 525, 539]⁶. Вместе с тем существенной была роль дельцов немецкого происхождения в развитии сельхозмашиностроения в городе – в этой связи Г. Хаусман называет фирму Беллино-Фендрих, существовавшую еще с 1810 г. в качестве торгового дома, и гораздо более мелкое предприятие Й. Хена [Ibid., s. 534–537].

Среди немецких фирм, действовавших до 1914 г. в дальневосточном регионе, германские современные историки по-прежнему уделяют основное внимание торговому дому «Кунст&Альберс»⁷. На рубеже XX–XXI вв. история этого предприятия была основательно изучена Л. Деегом и Л. Томас. Оба исследователя показали чрезвычайно разнообразный характер деятельности компании, начавшейся первоначально по инициативе гамбуржца Г. Кунста в Шанхае. Там им была учреждена небольшая фирма «Кунст&Рель». Затем, с 1864 г., ее деятельность распространилась на русский Дальний Восток; здесь компаньоном Г. Кунста выступил Г. Альберс, причем первоначально их совместное предприятие базировалось исключительно на взаимном доверии совладельцев; лишь в 1880-е гг. появилось письменное соглашение между ними [Deeg, 1996, s. 41, 58]. В 1882 г., однако, Г. Кунст покинул Дальний Восток и на первый план выдвинулся бывший служащий фирмы А. В. Даттан [Ibid., s. 312]. Последний с начала 1880-х гг. являлся русским подданным; впоследствии, в 1911 г., он стал действительным статским советником, а в январе 1914 г. был даже официально возведен в дворянское достоинство Российской империи [Ibid., s. 223]. Впоследствии по тактическим соображениям приобрел русское подданство и А. Г. Альберс, сын совладельца предприятия, которому Г. Альберс передал свою долю в сентябре 1910 г. [Ibid., s. 203]. Фирма тесно сотрудничала с рядом русских и зарубежных компаний, а также с официальными инстанциями.

Так, доверительные отношения существовали у «Кунст&Альберс» с дальневосточной компанией «Бринер и Кузнецов». В то же время острая конкуренция была характерна для взаимоотношений «Кунст&Альберс» с другим крупнейшим торговым домом в регионе – фирмой «Чурин и Ко». Впоследствии, в годы Первой мировой войны, именно эта фирма развернула массированную кампанию против «Кунст&Альберс», спекулируя на немецком происхождении совладельцев [Ibid., s. 207, 238–252]. Намерения властей ликвидировать такую фирму, как немецкий торговый дом, вызвали, однако, протесты, в т. ч. со стороны деловых кругов региона. Хабаровский биржевой комитет 7 декабря 1916 г. указал в своей петиции на негативные последствия этой меры. Было отмечено, что ликвидация «Кунст&Альберс» крайне отрицательно отразится на экономической жизни края и снабжении населения. Поскольку в регионе задают тон две крупнейшие фирмы – торговые дома Чурина и «Кунст&Альберс», устранение одного из них приведет к монопольному положению другого со всеми вытекающими отсюда результатами. В связи с этим особо подчеркивалась регулирующая роль «Кунст&Альберс» в ценообразовании [Ibid., s. 258]. К сказанному Л. Деегом следует добавить, что на этом же акцентировали внимание служащие фирмы в своем прошении на имя военного министра России от 19 августа 1916 г. В этом прошении о «Кунст&Альберс» прямо говорилось как о «сдерживающей силе, регулирующей... правильную краевую торговлю» и препятствующей произвольному росту цен. Здесь указывалось также, что с закрытием торгового дома сотни русских служащих потеряют работу, а сельские производители лишатся важного поставщика товаров, необходимых для развития аграрного сектора⁸. В упомянутой же Л. Деегом петиции Хабаровского биржевого комитета подчеркивалось, что «Кунст&Альберс» находится под контролем правительственных инспекторов и персонал торгового дома состоит из русских подданных. Ранее, еще в январе 1915 г., биржевое общество Хабаровска отказалось исключить торговый дом «Кунст&Альберс» из числа своих членов [Deeg, 1996, s. 258]⁹. Л. Томас, продолжая начатую Л. Деегом тему, отмечает двойственный статус фирмы и самого А. В. Даттана в регионе [Thomas, 1998, s. 629–630]¹⁰, а также тесную связь «Кунст&Альберс» как с немецкими банками, особенно Deutsche Bank, так и с российскими кредитными учреждениями, причем особенно важны были контакты торгового дома с Петербургским Международным банком. Л. Томас подчеркивает, что кампания против фирмы началась еще в 1907 г., причем в ней участвовали и русские, и немецкие фирмы края. Мотивы участия последних Л. Томас находит неясными; атаки же с русской стороны были вызваны вопросом о порто-франко во Владивостоке – «Кунст&Альберс» была заинтересована в его сохранении [Thomas, 1998, s. 617, 629–630; Deeg, 1996, s. 198].

Наряду с деятельностью в России немецкого бизнеса и степенью его интеграции в местную предпринимательскую среду, современные германские историки по-прежнему уделяют определенное внимание рабочему вопросу на принадлежавших немцам предприятиях. При рассмотрении положения занятых на этих предприятиях современные германские исследователи, как правило, воздерживаются от идеализации их владельцев. До 1970-х гг. в «остфоршунге» превалировало указание на лучшее положение работающих на предприятиях, контролировавшихся германским капиталом, на большие либерализм и гибкость немецких промышленников в рабочем вопросе, по сравнению с российскими капиталистами. С 1970-х гг. постепенно наметилось преодоление такого подхода – данная тенденция была продолжена и на рубеже XX–XXI вв.

Так, Й. Рогаль отмечает, что, с одной стороны, уже в 1870-х гг. некоторые лодзинские предприниматели приняли ряд мер по решению рабочего вопроса на своих предприятиях. В этой связи исследователь указал на создание ими благотворительных обществ, учреждение при фабриках школ и больниц, строительство домов для рабочих. Расходы Шайблера на социальные цели составили 150 тыс. руб. Этот предприниматель содержал за свой счет 5 народных школ, одну больницу для рабочих с бесплатным обслуживанием, аптеку с бесплатным отпуском лекарств, детский сад, дом для престарелых, бани, пекарни, дешевые дома для гостей; им же за собственный счет содержался оркестр на предприятии. Но, с другой стороны, наиболее жесткие методы эксплуатации рабочих также практиковались в Лодзи именно дельцами немецкого происхождения, особенно фабрикантом Кунитцером. Последний был убит бастующими рабочими своего предприятия осенью 1905 г. В следующем году лодзинскими промышленниками был создан собственный союз работодателей для борьбы со стачечниками. Показательно, что он был учрежден в Берлине, куда после убийства Кунитцера перебралось большинство лодзинских фабрикантов. Союз действовал достаточно успешно – на очередную забастовку рабочих в конце 1906 г. фабриканты ответили локаутом

и прекратили его в апреле следующего года только после завершения забастовки на условиях, выдвинутых самими предпринимателями [Rogall, 1998, s. 450–452]¹¹.

На социальных мероприятиях «Кунст&Альберс» специально остановился Л. Деег. Он указал, что фирмой осуществлялись мероприятия такого рода в отношении своих служащих, общее число которых в 1913 г. достигло 1400 человек (в дальнейшем их численность сократилась). Холостые служащие пользовались столовыми и жильем предприятия; для всех занятых существовала касса взаимопомощи, куда ежегодно отчислялась часть прибылей фирмы. Торговым домом содержались библиотека, кегельбан, бильярдное помещение, баня и больница, услугами которых пользовались служащие фирмы. Для несовершеннолетних («магазинных мальчиков») функционировали вечерние курсы; летом, кроме того, «мальчики» посылались за счет «Кунст&Альберс» в местное спортивное общество и в гимнастические классы [Deeg, 1996, s. 223–224]¹². При этом Л. Деег не выделяет данные социальные мероприятия как нечто уникальное на русском Дальнем Востоке, не находящее аналогов в практике других фирм. Точно так же и Й. фон Путткаммер, признавая определенные успехи в страховании рабочих частными компаниями Прибалтики и Юга России, не акцентирует при этом внимание на национальности и подданстве предпринимателей [Puttkammer, 1994, s. 210].

Наряду с рабочим вопросом, германские руссиеведы, изучавшие в конце XX – начале XXI в. деятельность немецкого бизнеса в России, как и раньше, уделили определенное внимание элементам благотворительности, меценатства в его практике. Д. Дальман отметил отсутствие меценатства в практике дельцов немецкого происхождения в Москве. Это отличало их от их русских коллег и партнеров – предпринимателей-старообрядцев, действовавших в том же регионе [Dahlmann, 1998, s. 373]. Данный вывод, однако, неприменим к Польскому району и Дальнему Востоку. Й. Рогалль отмечает в этой связи широкое распространение с 1880-х гг. меценатства в практике лодзинских предпринимателей. Последние оказывали значительное содействие культуре и искусству в регионе. Лодзинские текстильные магнаты участвовали в учреждении и финансировании культурных учреждений в районе, оказывали материальное содействие художникам, приобретали их произведения, создавали частные коллекции, иногда открывая их для просмотра [Rogall, 1998, s. 450–452]. Широкие масштабы приняла благотворительная деятельность в практике компании «Кунст&Альберс». Л. Деег отметил в этой связи материальную поддержку со стороны фирмы Восточному институту во Владивостоке и указал, что пожертвования «Кунст&Альберс» на благотворительные цели составили 200 тыс. руб. Эта цифра была названа и в упомянутом обращении служащих торгового дома к военному министру, точнее, здесь говорилось о том, что на устройство здания общежития студентов Восточного института и на хозяйственные нужды последнего фирмой было ассигновано 200 тыс. руб. Та же цифра была названа и директором Восточного института А. В. Рудаковым в письме на имя приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти – именно в эту сумму Рудаков оценил размер материальной помощи, предоставленной совладельцем «Кунст&Альберс» в качестве почетного попечителя владивостокской мужской гимназии и действительного почетного члена, а затем и председателя попечительского совета упомянутого института. В этом письме, датированном февралем 1916 г., директор Восточного института во Владивостоке привел многочисленные факты благотворительной деятельности А. В. Даттана [Deeg, 1996, s. 223–224]¹³. В обращении же служащих фирмы говорилось, что на средства другого совладельца предприятия, А. Г. Альберса, во Владивостоке содержится приют для малолетних детей, отцы которых были мобилизованы после начала мировой войны. Кроме того, торговый дом ежегодно практиковал пожертвования «на дела местной благотворительности» [Ibid.]¹⁴.

Подводя итоги, следует отметить значительный интерес современных германских руссиеведов к истории немецкого бизнеса в дореволюционной России. Основное внимание при этом, как и ранее, уделяется XIX и началу XX в. Значительная часть работ, посвященных деятельности в Российской империи отдельных фирм и аутсайдеров, носит преимущественно описательный характер, что объясняется новизной тематики и введением в научный оборот значительного материала, ранее не привлекавшегося к исследованию. Взвешенно и объективно трактуется проблема взаимодействия немецкого бизнеса в России с местной предпринимательской средой, как и вопрос о поддержке этим бизнесом связей с Германией. В целом преодолев крайнюю идеализацию зарубежного, особенно немецкого, капитала в России, широко распространенную ранее, современные германские историки вместе с тем отказались и от упрощенных оценок российских предпринимателей как

отсталых и менее чем иностранцы приспособленных к требованиям современной экономики. Важно отметить также и продолжение начавшейся еще в 1970–1980-х гг.¹⁵ тенденции к отказу от резкого противопоставления российских и зарубежных предпринимателей по происхождению и по их тактике в рабочем вопросе¹⁶. К настоящему времени у германских историков, рассматривающих данную проблему, присутствует обычно взвешенный и объективный подход – признается как положительное, так и отрицательное в общем балансе деятельности немецких капиталистов в сфере рабочего вопроса; предприниматели германского происхождения при этом не противопоставляются резко отечественному бизнесу. Здесь, как и в трактовке других аспектов проблемы, можно констатировать значительное сближение позиций германских и российских исследователей, чему, несомненно, способствовала и активизация сотрудничества между ними, начавшегося еще в 70-е гг. прошлого столетия.

Примечания

¹ Ostforschung – дословно «изучение Востока». Обобщенное название германского россиеведения и в целом отрасли по изучению истории, экономики и культуры стран Восточной Европы. Длительное время данное понятие употреблялось в отечественной германистике исключительно в негативном контексте.

² Приводимые Е.-М. Аух данные существенно выше, чем в монографии советского исследователя Г. В. Пипия. Последний отмечает, что годовой оборот фирм «Форер» и «Хуммель» («Гуммель» у Г. В. Пипия) в канун Первой мировой войны «достиг миллиона рублей у каждой в отдельности». См.: [Auch, 1998, s. 603–604; Пипия, 1978, с. 32].

³ Р. Кене-Линденлауб отмечает, что Россия была не единственной страной, где в XIX в. крупновское предприятие отказалось от организации филиала. Остались нереализованными планы такого рода также в отношении Англии и Франции. Лишь в Австрии в 1843 г. А. Круппом был учрежден филиал. См.: [Koehne-Lindenlaub, 2005, s. 184–186].

⁴ А. Фогель упомянул и об участии немцев в мелкой промышленности России [Vogel, 1917, s. 279–280]. Современный исследователь С. Петер отмечает вклад немцев-колонистов в развитие кустарной промышленности и торговли Поволжья, особенно Саратовской губернии – вторую половину XIX в. она характеризует как период расцвета предпринимательской деятельности колонистов на Волге. См.: [Peter, 1998, s. 499].

⁵ Так, в случае с южнороссийскими производителями сельхозмашин – меннонитами, деятельность которых, как уже говорилось, проанализировал Д. Нойтатц, очевидно, необходимо принимать во внимание особую замкнутость и обособленность, свойственные приверженцам этой секты.

⁶ Исключение составляла упоминавшаяся фирма «Эрнст Махс и Ко», занимавшаяся, как уже говорилось, хлебным экспортом и относимая Г. Хаусманом к «зажиточной части международного делового мира».

⁷ Из более ранних работ, рассматривающих историю этой фирмы, см.: Aus der Geschichte des Hauses Kunst&Albers // Ostasiatische Rundschau. 1940. № 4. S. 84–86; № 5/6. S. 107–109; № 7. S. 137–139.

⁸ РГАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1215. Л. 45.

⁹ В петиции служащих фирмы военному министру говорилось, что штат «Кунст&Альберс» насчитывает 752 русских служащих. 202 из них были мобилизованы, причем их семьи получали от фирмы причитающееся им содержание. На пособия такого рода «Кунст&Альберс» было затрачено 146 тыс. руб. За каждым мобилизованным служащим фирмы до окончания войны закреплялась его должность. См.: РГАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1215. Л. 44 об. Вместе с тем следует отметить, что к началу Первой мировой войны на службе в торговом доме значились 1 австрийский и 50 германских подданных. 49 из них к ноябрю 1914 г. были высланы в Якутскую губернию. См.: РГАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 506. Л. 9 об.

¹⁰ Рассматривая здесь фирму в контексте экономической жизни Дальнего Востока, Л. Томас вместе с тем отмечает сохранение «Кунст&Альберс» связей с Германией. Там осуществлялись закупки товаров, оплата страховых свидетельств, фрахт судов. Вместе с тем первенствующее значение имело дальневосточное предприятие «Кунст&Альберс»; его нужды в сущности и обслуживались гамбургским филиалом торгового дома. Об отказе Хабаровского биржевого общества исключить «Кунст&Альберс» из числа своих членов см.: РГАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 506. Л. 138.

¹¹ Д. Дальман отмечает двойственную позицию в рабочем вопросе и Л. Кнопа. При его кренгольмском предприятии в Нарве функционировали начальная школа с бесплатным обучением, больница, детские ясли и баня. С другой стороны, попытка снижения заработной платы на этом предприятии и отмена премиальных привели в 1872 г. к массовой забастовке («Кренгольмская стачка»). См.: [Dahlmann, 1998, s. 375].

¹² Ср.: РГАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 506. Лл. 173–173 об.

¹³ Ср.: РГАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 506. Лл. 37–39.

¹⁴ РГАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1215. Л. 44 об; Оп. 2. Д. 506. Лл. 38–38 об.

¹⁵ Применительно к этому периоду речь идет о западногерманском россиеведении. Восточногерманская «россика», представители которой (к ним относились и упомянутые здесь Й. Май, Х. Лемке, Л. Томас) тесно контактировали со своими советскими коллегами, изначально была свободна от идеализации немецкого участия

в экономической жизни России.

¹⁶ Следует сказать, что идеализация деятельности иностранных предпринимателей в рабочем вопросе и противопоставление «прогрессивности» иностранцев «отсталости и косности» отечественных бизнесменов в конце XIX – начале XX в. имели место как в германской, так и в российской литературе. См.: [Schultze-Gavernitz, 1899, s. 91, 93; Wittschewsky, 1905, s. 228; Ischchanian, 1913, s. 265–266, 268–269; Брандт, 1899; Зув, 1917; Туган-Барановский, 1997, с. 405].

Библиографический список

- Agahd E.* Grossbanken und Weltmarkt. Die wirtschaftliche und politische Bedeutung der Grossbanken im Weltmarkt unter Berücksichtigung ihres Einflusses auf Russlands Volkswirtschaft und die deutsch-russische Beziehungen. Berlin, 1914.
- Amburger E.* Das Haus Wogau&Co in Moskau und der Wogau-Konzern. 1840–1917 // Russland und Deutschland. Stuttgart: Klett, 1974.
- Amburger E.* Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Russlands. Die Familie Amburger in St.-Petersburg. 1770–1920. Wiesbaden, 1976.
- Auch E.-M.* Unternehmerische Aktivitäten deutscher Kolonisten in Transkaukasien // ...das einzige Land in Europa, das eine grosse Zukunft vor sich hat. Deutsche Unternehmen und Unternehmer im Russischen Reich im 19. und frühen 20. Jahrhundert. Essen, 1998.
- Aus der Geschichte des Hauses Kunst&Albers // Ostasiatische Rundschau. 1940. №№ 4–7.
- Brandes D.* Die Entwicklung der suedukrainischen Landmaschinenfabriken in der Sowjetzeit // ...das einzige Land in Europa... Essen, 1998.
- Busch M.* Das Unternehmen Brockhaus&Efron und sein *Enciklopediceskij slovar* in der Ausgabe von 1890. Ein Beitrag zur Wirtschafts- und Kulturgeschichte // Ibid.
- Commichau G.* Zur Geschichte der Firma Rud. Commichau&Soehne, Bialystok // Tradition. 1965. H. 5.
- Dahlmann D.* Ludwig Knoop: ein Unternehmerleben // ...das einzige Land in Europa... Essen, 1998.
- Dahlmann D.* Die Unternehmerschaft des Russischen Reiches vom Beginn des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges // Ibid.
- Dahlmann D.* St. Petersburg, Bonn und Trostjanec. Leben und Werk von Leopold Koenig, Russlands «Zuckerkoenig», von der Mitte des 19. Jahrhundert bis 1914 // Eisenbahnen und Motoren – Zucker und Schokolade. Deutsche im russischen Wirtschaftsleben vom 18. bis zum frühen 20. Jahrhundert. Berlin, 2005.
- Deeg L.* Kunst&Albers, Wladiwostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten. 1864–1924. Essen: Klartext-Verl., 1996.
- Feldenkirchen W.* Die Firma Siemens im Russischen Reich vor 1914 // ...das einzige Land in Europa... Essen, 1998.
- Feldenkirchen W.* Vom Telegraphen zur Kommunikationstechnik – 150 Jahre Siemens in Russland 1853 bis 2003 // Eisenbahnen und Motoren – Zucker und Schokolade... Berlin, 2005.
- Hausmann G.* Deutsche Kaufleute und Unternehmer im Wirtschaftsleben Odessas am Ende des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts // ..das einzige Land in Europa... Essen, 1998.
- Heller K.* Diesel. Ein Motor für Russland // Eisenbahnen und Motoren – Zucker und Schokolade... Berlin, 2005.
- Hildermeier M.* Zwischen Buergetum und Adel: Unternehmer im Zarenreich // ...das einzige Land in Europa... Essen, 1998.
- Ischchanian B.* Die ausländischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft. Geschichte, Ausbreitung, Berufsgruppierung, Interessen und ökonomisch-kulturelle Bedeutung der Ausländer in Russland. Berlin: Simenroth, 1913.
- Kirchner W.* Die deutsche Industrie und Industrialisierung Russlands. 1815–1914. St. Katharinen, 1986.
- Koehne-Lindenlaub R.* «Die Anlage einer Gusstahlfabrik in Russland betreffend». Aus Krupp-Briefen des 19. Jahrhunderts // «Eine grosse Zukunft». Deutsche in Russlands Wirtschaft. Berlin, 2000.
- Koehne-Lindenlaub R.* Ideen zu einer Krupp-Niederlassung in Russland. Die Geschichte einer wechselhaften Entwicklung // Eisenbahnen und Motoren – Zucker und Schokolade... Berlin, 2005.
- Kumpf-Korfes S.* Bismarcks «Draht nach Russland». Zum Problem der sozial-oekonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891. Berlin (O), 1968.
- Lemke H.* Deutsche Unternehmen in der kaukasischen Manganindustrie. 1900–1914 // ..das einzige Land in Europa... Essen, 1998.
- Loehr B.* Die «Zukunft Russlands». Perspektiven russischer Wirtschaftsentwicklung und deutsch-russische

- Beziehungen vor dem ersten Weltkrieg. Stuttgart, 1985.
- Mai J.* Das deutsche Kapital in Russland. 1850–1894. Berlin (O), 1970.
- Mai J.* Heinrich Schliemann als Unternehmer in Russland. 1846 – 1864 // ...das einzige Land in Europa... Essen, 1998.
- Neutatz D.* Ländliche Unternehmer im Schwarzmeergebiet. Die Suedukrainische Landmaschinenindustrie vor dem Ersten Weltkrieg // Ibid.
- Peter S.* «Zufällig billig zu kaufen». Unternehmeranzeigen in der deutscher Presse an der Wolga am Beispiel des «Klemens» // Ibid.
- Puttkammer J. V.* Anfänge russischer Sozialgesetzgebung. Die Politik der Regierung und die Haltung der Industrie zur Haftung bei Arbeitsunfällen // Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Russland in der Spätphase des Zarenreiches. Frankfurt a. M., 1994.
- Rabus W., Haeusler J.* Gottlieb Daimler und Karl Benz in Russland, 1881 bis 1914 // Eisenbahnen und Motoren – Zucker und Schokolade... Berlin, 2005.
- Rasch M.* Unternehmungen des Thyssen-Konzerns im zaristischen Russland // ...das einzige Land in Europa... Essen, 1998.
- Rogall J.* Deutsche Unternehmer im Lodzer Raum // Ibid.
- Sartor W.* Internatiolisierung und Kosmopolitismus. Deutsche Grossunternehmern im Russischen Reich // Eisenbahnen und Motoren – Zucker und Schokolade... Berlin, 2005.
- Schultze-Gavernitz G.* Volkswirtschaftliche Studien aus Russland. Leipzig: Duncker&Humblot, 1899.
- Thomas L.* Ein deutscher Unternehmen im russischen Fernen Osten (1864–1921). Zwaenge und Grenzen der Anpassung // ...das einzige Land in Europa... Essen, 1998.
- Vogel A.* Die Zwangsaufloesung feindlicher Handels- und Industrieunternehmungen in Russland // Weltwirtschaftliches Archiv. Bd. 11. 1917.
- Weicher S.* Carl von Siemens. Ein deutscher Unternehmer in Russland und England // Tradition. 1956. H. 1.
- Weicher S., Goetzeler H.* Weg und Wirken der Siemens-Werke im Fortschritt der Elektrotechnik. 1847–1980 // Zeitschrift für Unternehmensgeschichte. Beiheft 21. 1981.
- Wessel H.-A.* Mannesmann und das Russlandgeschaef von den Anfaengen bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges // Eisenbahnen und Motoren – Zucker und Schokolade... Berlin, 2005.
- Wessel H.-A.* Verfehltte Investionen deutscher Unternehmer in Russland // ...das einzige Land in Europa... Essen, 1998.
- Wittschewsky V.* Russlands Haandels-, – Zoll – und Industriepolitik von Peter dem Grossen bis auf die Gegenwart. Berlin, 1905.
- Брандт Б. Ф.* Иностранные капиталы в России. Ч. 1. СПб., 1898. Ч. 2. СПб., 1899. Ч. 3. СПб., 1901.
- Зив В. С.* Иностранные капиталы в русских акционерных предприятиях. Вып. 2. Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности. Пг., 1917.
- Левин И. И.* Германские капиталы в России. СПб., 1914.
- Наниташивили Н. Л.* Германский капитал в Закавказье. Деятельность фирмы Сименс-Гальске. 1860–1917. Тбилиси, 1982.
- Пития Г. В.* Германский империализм в Закавказье в 1910–1918 гг. М., 1978. РГАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1215; Оп. 2. Д. 506.
- Сартор В.* Торговый дом «Шпис». Документальное наследие династии немецких предпринимателей в России (1846–1915 гг.) // Отечественная история. 1997. № 2.
- Туган-Барановский М. И.* Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. История развития русской фабрики в XIX веке. М., 1997.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.09.2010